

СУЛТАН АКИМБЕКОВ

ИСТОРИЯ СТЕПЕЙ:

*феномен государства Чингисхана
в истории Евразии*

4-е издание

Институт Азиатских исследований

АЛМАТЫ

2021

Мубарек стал Чингай, еще один сын хана Эрменг⁷⁰. Для монгольской традиции управления это было важное решение. Таким образом, **Джанибек** смог восстановить целостность государства.

Кроме того, **Джанибек** в целом продолжил политику своего отца, в частности в деле распространения **ислама** в государстве. «Весь улус Уйбика он обратил в ислам, разрушил все капища идолов, воздвиг и устроил много мечетей и медрес⁷¹». Он был весьма популярен среди исламских духовных авторитетов. В 1356 году по иному благодарю их поддержке войско Джанибека завоевывает иранский Азербайджан. Здесь после развала государства Хулагуидов правили династия Чобанидов, вышедшая из монгольского племени сулутов. Однако в следующем 1357 году **Джанибек умирает**. По некоторым данным,

например, по сообщениям «Ахисана Насандар», убийство Джанибека было убит своим сыном и претендентом **Бердибеком**⁷². Борьба за контроль над центральной властью в улусе Джучи приобретала все более ожесточенный характер.

Естественно, что Бердибек сыгрално опираясь на свое положение. На фоне постоянно происходивших попыток насильственного захвата власти в улусе Джучи продолжал действовать главный юридический принцип **монгольской традиции управления** о праве каждого чингизида на власть в государстве. В то же время каждая успешно совершенная попытка захвата власти естественным образом снижала ее сакральность и повышала ее привлекательность для многочисленных претендентов.

Причем, что характерно, при рассказе о тех или иных переворотах в улусе Джучи наряду с тем или иным претендентом начинают фигурировать конкретные представители военно-политической элиты. При убийстве сына Тохты Нолыкмына Уйбиком фигурировал некий Кутлук-Тимур, получивший, очевидно, в знак благодарности в личном управлении Хорезм. При убийстве Джанибека, в свою очередь, сыграл большую роль другой высокопоставленный представитель элиты Тоглу-бай. «Тогуч после этого (убийства Джанибека. – Прим. авт.) Тоглу-бай привел Бердибека, посадил на тот конь, на котором он убил его отца и убил каждого, кто не подчинился. Бердибек вызвал его и сказал: «Как ты уничтожил Мухаммада каракую, так я уничтожу некоторых из урутов». Тоглу-бай одобрил эти его слова. Он, Бердибек, вызвал к себе всех царевичей и за один раз всех их уничтожил⁷³».

Представители элиты начинают играть все более самостоятельную роль в политической жизни улуса. Одновременно происходит сни-

жение значения чингизидов, повышается уровень их зависимости от тех политических сил, которым они становятся обязанными властью.

Любопытно, что в сохранившихся об улусах Джучи в этот период практически отсутствуют упоминания о названиях отдельных племен. В политических процессах участвуют сами чингизиды и представители местной элиты. Напротив, в улусах Хулагу и Чагатай племенные названия стали фигурировать значительно раньше. Во время реформ Газни-хана в начале XIV века в Иране или в практически аналогичный период перемещения ставки Чагатайским из долины реки Нам в Мангырнахур племена фигурируют уже как вполне самостоятельные субъекты политического процесса.

Напомним, что во время вторжения Джанибека в Азербайджан в 1356 году ему противостоял династия Чобанов, основанная на племя сузлух. Чагатай Кабан еще раньше, в двадцатых годах XIV века, при переносе своей ставки уже имеет дело с проживающими в Мангырнахуре илканами, с его точки зрения, самостоятельными племенами барзас, кучук, арнат и джаланар. В улусах Джучи в этот период времени мы не видим ничего подобного. Здесь продолжали существовать общия традиции организации **монгольских улусов**, деленный на «тысячи». Они были сформированы из **старых кочевников**, находившихся под контролем представителей монгольских племен. Впоследствии во время кризиса монгольской традиции из этих «тысяч» появились принципиально новые **элементы**. Однако это произошло с явным запозданием по отношению к улусам Хулагу и Чагатай. Впрочем, с чем это могло быть связано, чрезвычайно интересно для нашего исследования.

Скорее всего, дело в том, что в отличие от улусов Хулагу и Чагатай, занимавших соответственно территории Ирана с Закавказьем и Средней Азии с Восточным Туркестаном, кочевые «тысячи» улуса Джучи в основном располагались в открытой степи. В то же время аналогичные «тысячи» улусов Хулагу и Чагатай главным образом проживали в непосредственной близости от оседлых центров Ирана и Средней Азии, черпаясь к ним. Естественно, что **степи, зависимость от государства «тысяч», проживающих в степи, выше, чем тех, которые живут по соседству ту или иной оседлой территории.** В случае ослабления центральной власти такие «тысячи», которые постепенно становятся племенами, могли самостоятельно расширяться на новые освоенные территории, собираемыми с соседних оседлых территорий. У проживающих в степи таких возможностей не было.

Они продолжали зависеть от центральной власти, которая перераспределяла в их пользу часть общегосударственных доходов.

Соответственно, в процессе кризиса монгольской традиции управления, процесс собственной самоидентификации нормами начинает те этасыны, которые менее всего зависят от государства. Более того, они воспринимают его в качестве конкурента на доходы с подконтрольных им территорий. Процесс самоидентификации новых племен по своей сути тесно связан с противостоянием государству монгольского типа. Поэтому в том же улусе Чагатай нормами в источниках стали широко известны упомянутые выше племена барлас, арлат, каучин и джалыр, располагавшиеся по соседству с богатыми окладными селениями Средней Азии. В то же время племена, проживавшие в степной зоне того же улуса, например дуглаты в долине Или, стали широко известны источникам позже, уже после распада государственности монгольского типа. Это произошло только тогда, когда они вышли на самостоятельную политическую орбиту. Аналогичная ситуация складывалась в улусе Джучи. Здесь появление самостоятельной политической жизни стало возможным только после краха монгольской государственности.

Вспомогая в улусе Джучи, можно отметить, что этот улус главным объектом притязаний в политической борьбе в середине XIV века была именно центральная власть. Потому что при всем падении сакральности государственной власти в улусе и поразившем его тяжелом организационном кризисе в распоряжении государства и его центрального аппарата управления оставались значительные источники доходов. В частности, это были регулярные поступления с территорий зависимых русских княжеств, а также доходы от контроля над торговыми путями. Размер этих поступлений был, несомненно, весьма значительным, и это делало власть центральной власти весьма выгодным делом. После Бердибека в улусе Джучи начинается самостоятельная борьба за власть. В русских источниках этот период получил название «всильная князья».

1354

Политический кризис

В период между 1359–1360 годами Бердибек был убит неким Кульной. Его, в свою очередь, убил его брат Навруз. Навруза в 1361 году убил чингизид Хызр, выходец из левого крыла улуса Джучи, распо-

женного к востоку от Волги, на территории современного Казахстана. Хызр практически сразу был убит своим сыном Тимур-Ходжой, который тут же потерпел поражение от Мамаю и погиб.

Манай был одним из самых влиятельных лиц в северном улусе Джучи перед началом кризиса. Он был женат на дочери Бердабeka и владел обширными владениями. Манай был известен как главный в администрации улуса пост Бекербeka. Манайбук, в свою очередь, был родственником жены хана Джанибeka Таукула⁹⁸. Естественно предположить, что именно Манай перед появлением в Сары претендентов на власть из левого крыла контролировал администрацию государства. Однако в условиях доминирования монгольской традиции управления сур. очевидно, не хватало легитимности. Поэтому примерно в 1362 году он провозгласил подставным ханом чингизида Абдаллаха, который был таковым до своей смерти, последовавшей в 1370 году. Одновременно ханом был некий Кельдибек, который погиб от руки Мурида. Мурида убил его главный эмир Ильяс. Затем ханом стал некий Азиз, сын Тимур-Ходжи⁹⁹. Ожесточенная внутривластная борьба за центральную власть и связанный с этим раскол государства продолжались с 1360 до 1380 года. За это время в улусе Джучи сменилось около 25 ханов. Причем в собственно Поволжье, где располагалась столица государства и одновременно главные торговые и ремесленные центры, прочно обосновались чингизиды из левого крыла. Фактически улус Джучи раскололся на несколько частей. На западе улуса власть принадлежала военачальнику Мамаю, назначавшему собственных марионеточных ханов, на востоке доминировали ханы из левого крыла. Такой накал борьбы не мог не привести к острому кризису центральной власти, который, в свою очередь, спровоцировал начало распада государства.

На территории улуса Джучи начинают проявлять самостоятельность отдельные военачальники армии. Причем, что характерно, они начинают захватывать отдельные территории преимущественно с местным населением, способным выплачивать им налоги и обеспечивать их потребности. В 1361 году район Булгара захватил некий Булак-Тимур, в 1367 году его отряды совершили неудачный поход на Нижний Новгород, после чего он бежал в Сары и был убит там ханом Азизом¹⁰⁰. В том же году северные земли захватил и обосновался в Нарычате (Мокша) выходец из Бекербeka Тогай. Тогай пытался воювать с Рязанью, но потерпел неудачу. В Мокше Тогай печатал медные монеты со своим именем¹⁰¹. Тогда же произошло отделение Хорезма,

где утвердился собственный династия Суфы. С 1363 года здесь перестали чеканить монету с именем джучидского хана⁷⁶. В 1363 году на западе улуса Джучи в битве при Синох Водан, литовский князь Ольгерд нанес поражение местным джучидским военачальникам. «Татарские князья Хаджи-Бей, Кутлук-Буга и Дмитрий, сатрапы и делачи Подольской земли, как их называют Литовская летопись, оторвались от Золотой Орды, чем и воспользовался, очевидно, Ольгерд, нанеся им поражение»⁷⁷. В результате этой битвы были потеряны Подольск. В 60-е годы были также оставлены территории в междуречье Прутя и Днестра. «Вынужденное отступление монголов за Днестр подтверждает и данные нумизматики: золоторублевские монеты на территории Молдавии встречаются в 60-е годы XIV века»⁷⁸. Распад монгольского государства был стремительным.

Главное, что резко снизились регулярные поступления в центр доходов от зависимых территорий и от посреднической торговли, которая естественным образом пришла в упадок вследствие войн, непрерывных переворотов и широким распространением сепаратистских тенденций. Естественно, что проблемы с политической стабильностью на Великом Шелковом пути не могли не сказаться на объеме товарных потоков и соответственно на поступлениях в государственную казну улуса Джучи. Кроме того, захватившие власть на отдельных территориях самостоятельные владетели типа упомянутого князя Тогая, очевидно, начали оставлять в своем распоряжении собираемые здесь налоги. Произошло также отпадение наиболее богатых территорий, приносивших государству основные доходы. Стал самостоятельным Харезм, джучидский хан начал поддерживать выплату дана в великому хану, но в конечном итоге до вынужденных обстоятельств. Вследствие этого доходы центральной власти сократились до минимума. Захват столицы Сарая уже не обеспечивал автоматического доминирования в государстве того или иного политического деятеля.

В связи с этим можно вспомнить ситуацию, которая сложилась в период борьбы Хубилая с его братом Ариг-Бугой. Напомним, что последний провозгласил себя ханом в столице империи Каракорум, а Хубилай контролировал территории Китая и его ресурсы. В результате Ариг-Буга проиграл, потому что по большому счету без китайских ресурсов не смог обеспечить содержание своих войск. Так и в улусе Джучи контроль над ресурсами был ключевым фактором политического успеха, и основная борьба шла за обладание ими.

Например, указанные выше Булак-Тимур и Тагай постоянно устанавливали контроль над периферийными окладными территориями, населенными булгарами и мордвой, явно стремились перераспределить в свою пользу часть доходов, которые до этого улуз Джучи централизованно получал с русских земель. Отсюда и их нападения на Рязань и Нижний Новгород. В то же время основные соперничающие между собой в 1360-х годах силы, Мамай и сидевший в столице Сарая хан Мурид, также старались привлечь на свою сторону русских князей. Московские князья ориентировались на Мамай, от имени подконтрольного ему хана Абдулмана князь Дмитрий Московский получал ярлык на великое княжение Владимирское. А сарайский хан Мурид «слабым ослабил Дмитрия, подтверждает право на Владимирское княжество Дмитрия Константиновича Суздальского»²⁷. Фактически повторялась ситуация конца XIII века, когда Ногай и Токта воевали на территории Руси своих ставленников, князей Андрея и Дмитрия Александровичей, боролись друг с другом за власть и исканием поддержки у того или иного чингизида. Причем от того, чей князь победит, напрямую зависело финансовое и военно-политическое благосостояние противостоящих друг другу сил в улузе Джучи.

Однако Дмитрий Суздальский предпочел договариваться с Дмитрием Московским, а значит, и с Мамаем против сарайского хана Мурида. В обмен на это он получил с их помощью место князя в Нижнем Новгороде. Став нижегородским князем, Дмитрий вместе с князем Мамаем совершает поход на Булгар, где к этому времени, после бегства Булак-Тимура, у власти находится некий Хасан. Хасан уступает власть без борьбы, и Булгар подчиняется ставленнику Мамаи²⁸. Таким образом, примерно к 1370 году Мамай выигрывает у любого хана, занимающего столицу государства, главный прием в конкурентной

борьбе – контроль над ресурсами русских территорий. Одновременно под его влиянием подпадает окладная территория булгарин, которой по значению земледельческий район, оставшийся в государстве после фактического отпадения Хорезма. Сарайские ханы оказываются в изоляции и попадают в ситуацию резкого сокращения их доходов.

Поступления, которые в то время получал Мамай, были наверняка меньше, чем обычные выплаты с русских земель. Следовательно, не мог не учитывать реальную расстановку сил в степи и постоянно сокращавшиеся возможности Мамаи. Последний в то же не был чингизидом, что автоматически снижало статус его легитимности. Кроме того, в

ситуации старшего противостояния со своим конкурентом в улусе Джучи. Мамай не мог силой принудить Дмитрия к выплате дани в полном объеме. Поэтому, судя по всему, «невыплаченный баланс оставался в казне русских князей, главным образом, в сокровищнице великого князя московского»¹⁰⁷. А так как еще со времен князя Ивана Калиты Москва выступала главным откупщиком по сбору налогов с Великого Новгорода и ряда других русских территорий в пользу улуса Джучи, то суммы, остававшиеся в ее распоряжении после фактического прекращения отношения с этим государством, были весьма значительны. Возможно, что именно на эти деньги в 1367 году в Москве впервые начинают строить каменный кремль вместо деревянного. Накопленные ресурсы стали способствовать росту влияния Москвы, а ее усиление стало главным итогом политического хаоса в улусе Джучи.

Естественно, что Москва старалась максимально использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу. Своим путем, она настаивала на продолжении сбора налогов с остальных русских княжеств и при этом обманом, несмотря на прекращение собственных финансовых отношений с улусом Джучи. Возможно, что именно это и было одной из важных причин обострения отношений Москвы с Тверским и Рязанским княжествами. В самый разгар политической нестабильности в улусе Джучи на русских территориях начинается острый внутренний конфликт интересов.

В 1368 году в Москве захватывают присланного на переговоры тверского князя Михаила и отпускают только под давлением посла Мамая. В том же году смоленский князь послал рать на Михаила, и Михаил бежал в Литву, откуда прибыл с войском Ольгерда, подошедшего к самой Москве¹⁰⁸. В 1371 году московские войскае был разбит рязанский князь Олег, новым князем стал Владимир Пронский. Но на следующий год Олег смог вернуть себе Рязань. Причем не обходилось без помощи Мамая. «Сохранилось указание, что он шел (князь Олег на место князя Рязанского. – Прим. авт.) с помощью татар: его сопровождал ордынск Салтанмур с татарскою дружиною»¹⁰⁹. Для Мамая получение дани с русских земель было принципиально важным. Это обеспечивало бы его ресурсам, необходимым для того, чтобы победить своих противников в борьбе за власть в улусе Джучи. В то же время Москва, как наиболее сильное княжество в русских землях, откладывалась выполнять требования Мамая. Поэтому он и начинает активно поддерживать соперника Москвы внутри русских земель, а

частности Михаила Тверского и Олега Рязанского. В данном случае его стратегической целью являлось восстановление контроля над пограничными землями с другими территориями.

Однако возможности Мамая, в том числе и военные, были все же весьма ограничены. Примерно в 1371 году Мамай потерпел Сарай, который попал в его руки незадолго до этого. Некий «Хаджи-Чиркас, владетель астраханских земель, пошел на Мамая, победил его и отнял у него Сарай. Мамай отправился в Крым и стал править им независимым»¹⁰⁰. Его владения фактически ограничивались Крымом и прилегающими степными территориями. Ослабление Мамая создало условия для окончательного разрыва отношений московского князя с ним. В результате произошло «разногласие» Дмитрия Ивановича с Мамаем, разрывом с Мамановыми посланцы в Нижнем (1374 г.) и пошел на Булгар с целью завоевания города, организованного московского князя с помощью князя города суздальского (1377 г.) и др.¹⁰¹. В промежутке между этими событиями, в 1375 году, состоялась открытая военная война Москвы с Тверью, повodem в которой стала передача Маманом ярлыка на Великое княжение Владимирское тверскому князю Михаилу.

Московское княжество окончательно превратилось в доминирующую силу в Северо-Западной Руси и прилегающих болгарских территориях. Московский князь понимал, что он не должен больше вести политику противостояния одной политической силы в улусе Джучи другой ввиду общего ослабления этого государства. Мамай, соответственно, окончательно потерял все зависящие рынки от него северо-западные земли с оккупным населением. Фактически финансовые отношения Москвы и улуса Джучи к концу семидесятих годов полностью прекратились.

Таким образом, в ходе многолетней войны за власть в улусе Джучи это государство превращается в конгломерат отдельных слабо связанных друг с другом территорий. При этом от него отпали наиболее богатые земли с податным населением – Северо-Восточная Русь, Хорезм, Булгар,

что привело к резкому сокращению поступления государственных доходов. Другим следствием междоусобной войны также не могло не быть серьезное нарушение торговли, проходившей через территории улуса Джучи. Все это неизбежно затрагивало население новгородских и других городов, расположенных на территории улуса.

В первую очередь страдали торговцы, во вторую – ремесленники, которые не могли не потерять заказы со стороны государства вслед-

стве его резко сократившихся финансовых возможностей. Однако способность этих категорий населения влиять на политическую ситуацию в государстве была весьма ограниченной. К примеру, в аналогичной ситуации в Иране и Средней Азии в момент кризиса монгольской государственности возникали весьма характерные движения сарбазаров, объединяющие в основном городские слои населения. В улусе Джучи это было невозможно, так как данные города были созданы искусственно под прямой государственной властью и находились в полной власти государства и его армии. Поэтому самостоятельные движения городского населения были фактически невозможны.

В то же время в городах располагалась управленческая администрация улуса Джучи, которая была напрямую заинтересована в восстановлении авторитета центральной власти. Для такой администрации был естественным поиск авторитетной фигуры, способной возвести государство и восстановить его военно-политическую мощь. Причем следует еще раз подчеркнуть, что кризис монгольской государственности в этом улусе еще не достиг той степени, когда на ее обломках из отдельных частей армии появляются самостоятельные племена. Во всей истории двенадцатилетнего конфликта в улусе Джучи активно участвуют отдельные чингизиды, самостоятельные военачальники армии вроде того же Маная или Тугта, но мы еще не встречаем здесь названий племен и нежелательных образований. В самостоятельном качестве они появляются на политической сцене значительно позднее. Соответственно, концепция восстановления единой государственности под властью авторитетного чингизида, способного наладить работу аппарата управления и обеспечить поступление доходов, должна была быть весьма популярна. Окончательная потеря доходов с русских и болгарских земель в конце 1370-х годов неизбежно должна была подтолкнуть политическую элиту улуса Джучи, костяк которой составляла как раз управленческая администрация, проживающая в поволжских городах, к ускорению процесса централизации государства.

Положение Маная в этой ситуации оказалось весьма шатким. Его авторитет в государстве явно был подорван тем, что он не смог сохранить контроль над русскими княжествами. Вследствие чего резко сократились его возможности оплачивать лояльность отдельных частей армии. На этом фоне все больше обострялась проблема: Манай не обладал достаточной легитимностью для того, чтобы возвести государство. Подставные каны мог не решить только часть проблемы.

Следовательно, он не был исключительной фигурой, способной стать объединяющей силой для всего улуса Джучи. Сочетание двух этих факторов, отсутствия легитимности и средств сразу обрисовывало Манжу на периферии политической жизни в улусе Джучи. В этой ситуации в новоявленных городах, особенно в соседних городах, все чаще начинают появляться чингизиды, вышедшие из левого крыла улуса Джучи. Насколько, что гибель чингизидов правого крыла от руки Бердибека оставила на территории западнее Волги вакуум легитимной политической власти. Однако восточнее Волги количество претендующих на власть свободных чингизидов было весьма велико. Упомянутые выше Мурид, Хаджи-Черкес, Азиз и другие относились к их числу.

Левое крыло улуса Джучи и государство Тимура

Существует довольно обширная научная дискуссия о том, как именно следует называть правое и левое крыло улуса Джучи. Многие авторы высказываются мнение, что информация так называемого «Амандина Никандара» о том, что Аа-Ордай (Белый Ордай) называлось его левое крыло, а Кая-Ордай (Синий Ордай) соответственно правое, является ошибочной. Согласно данному мнению, Аа-Ордай следует называть как раз правое крыло улуса Джучи, а территорию левого крыла, напротив, Кая-Ордай¹⁷. С другой стороны, в официальной истории Казахстана в отношении рассматривается на его современной территории левого крыла улуса Джучи, следуя логике «Амандина Никандара», применяют обозначение Аа-Ордай¹⁸. В исторической литературе активно используется оба варианта. Хотя по большому счету это не настолько принципиальный вопрос. Но для большей объективности логичнее использовать бесспорное наименование левое и правое крыло улуса Джучи.

Левое крыло улуса Джучи заметно уступало по своему численностному весу и политическому значению его правому крылу. Насколько, что в состав правого крыла, в эпоху расцвета входили не только наиболее богатые поселенцы степи, такие как русские князья, Кыпчак, Болгарские князья и Харезм. Немаловажно также и то, что в руках удерживавших им чингизидов находился основной торговый путь, протянувшийся из Харезма в Поволжье и далее в Европу. Тогда как левое крыло занимало обширные степные пространства современно-